

Светлана Крючкова

Биверспрайт

Светлана Крючкова

Биверспрайт

«Автор»

2026

Крючкова С.

Биверспрайт / С. Крючкова — «Автор», 2026

Биверспрайт – это история о том, как случайное знакомство Дороти Ричардс с бобрами превратилось в миссию всей ее жизни – создание заповедника для диких животных. Наблюдения за этими существами – и в естественной среде обитания, и рядом с человеком – легли в основу книги, полной трогательных историй о взаимной привязанности. Книга приглашает взглянуть на мир глазами натуралиста и открыть для себя невероятную глубину и сложность обыкновенных (на первый взгляд) животных – бобров. Книга пропитана любовью и уважением автора к этим созданиям, изменившим ее жизнь.

© Крючкова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1

5

Светлана Крючкова

Биверспрайт

Глава 1

Я пишу эти строки с шестидесятифунтовым¹ бобром, сидящим на моих коленях. Уже более 40 лет бобры являются источником моих самых плодотворных идей и дорогих воспоминаний. Знакомство с ними принесло мне неповторимую радость, смешанную с печалью, которая неизбежно приходит к тем, кто любит.

Бобры не выглядят эффектно и привлекательно на первый взгляд. Их круглые, бесформенные тела, короткие ноги, маленькие глаза и медленные движения отличаются от характеристик животных, вызывающих восхищение и интерес у большинства людей. Животные, грациозно бегающие на длинных стройных ногах, или преследующие и убивающие свою добычу, обеспечивают динамику событий и эффектное зрелище. Бобры – мирные вегетарианцы. В воде они прекрасные пловцы, и могут двигаться очень быстро, но на суше их движения медленны и продуманны, если только животные внезапно не почувствовали опасность или не находятся в игривом настроении.

Кроме зимних месяцев – и даже во время них в экстренных случаях – бобры ежедневно выполняют работы, необходимые для обслуживания своих домов и плотин, обеспечивающих им укрытие и питание. Результаты их труда впечатляющи, но обычно скрытаны в отдаленных, недоступных местах, окруженных болотами, лесами и кустарниками. Эти старательно построенные сооружения, за которыми ведется тщательный уход, служат источником воды и создают среду обитания для многих других живых существ. Рыбы, лягушки и другие водные организмы обитают в бобровых запрудах. Некоторые птицы и млекопитающие также селятся там, а некоторые приходят на водопой. Почва районов, которые когда-то были затоплены бобровыми плотинами, особенно богата питательными веществами. Она способствует буйному росту новых растений, которые привлекают оленей и других диких животных. Даже сухостой, образовавшийся в результате подтопления, активно используется насекомоядными птицами, а заброшенные бобровые хатки служат убежищем для выдр, ондатр и норок.

Бобровые хатки, плотины и каналы являются самыми сложными и обширными сооружениями, когда-либо созданными живыми существами, кроме человека, и, также, как и постройки человека, требуют самого тщательного планирования. Если бы бобрам было позволено беспрепятственно жить в верховьях всех ручьев, наводнения и засухи были бы в значительной степени предотвращены. Бобров по праву называют лучшими защитниками природы в мире.

Я выросла в долине реки Мохок в штате Нью-Йорк, в южном предгорье Адирондакских гор, где вдоль горных потоков когда-то благополучно жили миллионы бобров. История свидетельствует, что, когда голландцы в XVII веке впервые поселились вдоль Гудзона, они сочли бобров источником невероятного богатства. Европа тогда представляла собой безграничный рынок сбыта бобрового меха и бобровой струи. Из бобрового меха делали шапки и шубы, пользующиеся большим спросом, а бобровая струя, секрет желез, считался панацеей от болезней человека. Тысячи бобров были убиты, и прибыльный промысел продолжался более двух столетий, поскольку открывались все новые места для отлова.

¹ 1 фунт = 0,4536 кг

К 1840 году в штате Нью-Йорк оставалось, по оценкам, всего 300 бобров, а в 1895 году, через год после моего рождения, были пойманы только два бобра, самые последние, которые, как было известно, существовали в штате в то время. В следующем году был принят закон, «полностью запрещающий их преследование». К этому времени, конечно, меховая промышленность продвинулась дальше и грабила Запад.

В 1903 году, когда я прыгала со скакалкой на тротуарах Литл-Фолс, городка между Олбани и Сиракьюс, законодательное собрание обдумывало разумность выделения «небольших ассигнований» на то, чтобы вернуть бобров в ручьи и леса штата Нью-Йорк. В то время популяция бобров была практически уничтожена как в Канаде, так и в Соединенных Штатах. Несколько пар были закуплены штатом и завезены в Адирондакские горы. К 1915 году несколько тысяч бобров населяло обширную территорию штата. Шестидесять лет спустя бобр был назван официальным животным штата Нью-Йорк.

Я выросла и вышла замуж, так ни разу и не увидев бобра. У нас с моим мужем Элом были два бостон-терьера, и мы хорошо относились ко всем животным. Но ни один из нас практически ничего не знал о дикой природе. Хотя работа Эл была связана с лесом, его интерес к деревьям носил сугубо коммерческий характер. Я сопровождала его в разных рабочих поездках, но он никогда не брал меня непосредственно в лес. Даже в леса Квебека, где мы проводили свободное время, играя в бридж вместе с другими сотрудниками лесозаготовительной компании.

Во время одной из рабочих поездок Эла мы жили в маленьком городке в северной части штата Нью-Йорк, в старом фермерском доме у ручья. Поблизости не было соседей, отсутствовало электричество и телефонная связь. Это был мой первый опыт жизни в деревне, и он мне понравился. Возможно, именно этот вкус деревенской жизни позже заставил меня искать дом в окружении природы. Недолгое время пребывания там подошло к концу. Эл потерял работу, и мы вернулись в Литл-Фолс. Там мы купили небольшой бизнес по продаже канцтоваров и переехали в дом сестры Эла. Вместе с нашими собаками, Голди и Багсом, мы ютились в двух маленьких комнатах на втором этаже.

В один из июньских уикэндов мы поехали прокатиться на машине. В трех милях от маленькой деревушки Долгвилл по грунтовой дороге мы подъехали к заброшенной ферме². Вода пенилась, разбиваясь о камни, и спешила из глубины лесов на дальней стороне дороги к залитым солнцем пастбищам и сенокосным лугам, окружавшим старый, заросший сорняками, дом. Деревянный мост вел через ручей к дому, и когда мы шли по нему, я чувствовала, как он содрогается под нами. Мы остановились перед домом.

— Заброшенный, — сказал Эл.

До этого мы обсуждали идею аренды загородного дома для пикников в выходные дни, но этот вариант Эл отверг сразу же. А что касается меня — это была любовь с первого взгляда. Обветшалая деревянная обшивка, покосившаяся крыша и сгнившие балки крыльца не могли противостоять очарованию этого места. Я была поражена красотой покрытых мхом камней вдоль дороги, малиновых кустарников и пышно цветущей по берегам ручья недотроги. С музыкальным журчанием струилась вода, папоротники расправляли свои листья, и в тишине этого июньского вечера птицы пели песни, которые я раньше никогда не слышала.

— Давай заглянем внутрь, — сказала я.

Мы перешагнули через сломанные доски, чтобы открыть дверь. Она была заперта. Плотнo задернутые за каждым окном шторы не давали нам увидеть внутреннее убранство дома.

Пока мы ехали дальше, я пыталась убедить Эла, что это место – как раз то, что нам нужно.

² Ферма (фермерское хозяйство) в США - участок земли (примерно от 50 до 300 акров) с жилым домом, хозяйственными постройками и угодьями (поля, пастбища), обычно принадлежавший одной семье.

— Нам никогда не починить эту развалину, — сказал он. — И у нас есть еще долги за бизнес. Забудь об этом.

Здесь все начиналось

Он думал, что на этом все закончилось, но все только началось. В тот момент во мне проснулся бунтарь. На следующий день я извинилась перед Элом и уехала из офиса. Я выяснила, что владельцем дома был фермер по имени Ламфер, и я вернулась в Долгвилл, чтобы встретиться с ним. Когда я подошла к борозде, которую он вспахивал, он остановил упряжку. Я спросила, сдастся ли в аренду тот дом, он почесал затылок. «Вы можете арендовать его за 4 доллара в месяц» — сказал он. Я была в восторге от такой низкой цены - низкой даже для времени Великой Депрессии. Владелец, видя мое удовлетворение, добавил: «Но сено – мое!». Я выписала ему чек на сумму арендной платы за год и получила ключ.

Утром следующего воскресенья мы с Элом отправились в дом с запасом вещей на несколько дней. Во дворе Эл поставил на землю тюки с продуктами и постельными принадлежностями и устался на шаткий мост и покосившееся крыльцо, которые, казалось, вот-вот рухнут.

— Я назову это место «Лондонский мост», — сказал он.

Наши собаки, Голди и Багс, сразу же умчались, счастливые от полученной свободы, и я слышала, как они лают за кустами. Я отперла дом и вошла внутрь. Когда я подняла пыльные шторы, испуганная белка прыгнула на дверной косяк и юркнула в прогрызенную дыру, из которой пахло плесенью. Коричневые пятна показывали, в каких местах протекает крыша. На кухне я нашла старую плиту на дровах с прикрепленным к ней ржавым дымоходом. Это был единственный предмет мебели в этом доме. Кухонное окно выходило на запад, где открывался вид на луг и излучину ручья.

Мы принесли продукты, посуду, и приготовили завтрак. Я позвала собак, они выскочили из кустов. Багс был впереди, он гарцевал ко мне, гордо держа в зубах детеныша сурка, шея которого была сломана. Я видела сурков вдоль дороги - они щипали траву или сидели возле своих холмиков. Сейчас, глядя на тело сурка, болтающегося в пасти Багса, я впервые осознала, что мои питомцы были потенциальными разрушителями дикой природы, - не ради пропитания, а для игры. Я забрала у него убитого сурка и заперла собак в доме. После этого, выпуская их на улицу, мы всегда были рядом. Когда Голди и Багс состарились и умерли, мы не стали заводить других собак.

В тот день мы завтракали у ручья Мидлспрайт, протекавшего мимо дома. Потом мы поднялись на холм за амбаром и посмотрели вниз, на заброшенные поля, за которыми блестела вода.

— Это должно быть Литлспрайт, — сказала я. — Видимо, он соединяется с Мидлспрайтом дальше на западе.

Той ночью я не могла уснуть - была переполнена планами. Потом у меня начался зуд.

— У меня тоже, — сказал Эл. — Интересно, кто нас кусает?

С помощью фонарика мы выяснили, что это были клопы.

— С меня хватит! — возмутился Эл. — Мы убираемся отсюда и больше никогда не вернемся!

У меня были другие планы. Я купила серу, подожгла ее и плотно закрыла дом. По мере того, как сера тлела внутри, из миллиона дыр и щелей в старой обшивке валил дым.

— Слишком много дыр, — сказал Эл. — Не сработает.

Но сработало. После трех обработок клопы больше никогда нас не беспокоили.

В конце лета, богатого пикниками и купанием, Эл согласился, что с нашей стороны было разумно арендовать «Лондонский мост». Тогда он еще не знал, что я планировала его купить. Когда пришла весна, я почувствовала большую привязанность к этому месту, чем когда-либо. В мае по лесу разносился запах белой ирги и цвели ранние яблони. Звук воды и звуки дикой природы были повсюду, вокруг росли молодые деревья на невозделанных полях. Гигантские сахарные клены выстроились вдоль дороги. Все это плюс чистый воздух, открытое пространство и бегущие потоки – покорило меня. Казалось, что это уже принадлежало мне, но мое шаткое право на собственность зависело от Ламфера. Я должна была решить с ним этот вопрос.

Он доил корову в сарае, когда я быстро подошла и сказала, держа в руках чековую книжку:

— Пришло время продлить аренду.

Он оторвал взгляд от ведра с пенящимся молоком, прищурившись, посмотрел на меня из-за коровы и прокашлялся.

— С этого момента аренда будет 5 долларов в месяц, — сказал он. — И сено все еще мое.

Он с торжествующим видом сунул мой чек в карман своего комбинезона. Я почувствовала огромное облегчение. Однако, на обратном пути моя первоначальная уверенность сменилась сомнением. А что, если кто-то другой купит это место? Сейчас, когда мы сделали его более пригодным для жизни, это более вероятно. На следующий день я снова была у Ламфера. «Вы бы рассмотрели продажу?» — спросила я напрямую.

Цена, которую он назвал, была сильно завышенной по тем временам. «Наличными» — добавил Ламфер.

К счастью, моя мать оставила мне небольшое наследство, которое я планировала использовать на ремонт дома. «Хорошо» — сказала я, и мы пожали руки.

Когда я сообщила Элу о покупке дома, он мрачно ответил: «Это твои деньги». Но я видела, что он доволен.

Той зимой мы не остались в «Лондонском мосту», так как еще не были готовы к зимовке в деревне. Дорога, ведущая туда, была такой узкой, что если одна машина встречалась с другой, то той, которая находилась ближе к развилке, приходилось сдавать назад и ждать, пока другая проедет. У нас не было электричества и телефона, дороги в сезон дождей превращались в густую грязь, а зимой были занесены глубоким снегом. Позже, когда мы круглый год жили в «Лондонском мосту» и ездили в город на работу, мы заготавливали дрова задолго до зимних месяцев. Благодаря плите на кухне и пузатой чугунной печке в спальне, нам было тепло, даже когда температура на улице опускалась до 30 градусов ниже нуля. Именно тогда я познала новую прелесть зимы, когда, передвигаясь на снегоступах по сверкающему и скрипящему снегу, мы исследовали холмы и долины нашего участка.

Аарон ван Аллен жил в четверти мили от нас, в конце тупиковой дороги. Каждый день он привозил молоко от своих двух коров на молочную станцию³: летом – на повозке с лошастью, зимой – на санях. Когда, после нашей первой зимовки в «Лондонском мосту» наступила весна, я пошла проведать его и спросить, сможет ли он помочь нам с кое-каким ремонтом по дому. Аарон согласился при условии, что он сможет работать вместе со своим напарником Дэлом Луманом, который жил неподалеку. Аарон и Дэл взялись за работу с большим энтузиазмом.

Они часто вспоминали другие заказы, которые когда-то выполняли. Дэл любил хвастаться:

— Я запечатал ту молочную так плотно, что ни одна блоха не пролезет, правда, Аарон? — он подталкивал Аарона локтем.

— Да, так и было, — великодушно отвечал Аарон. — А как насчет коровника, который мы починили для Айка Вандергрифта? Теперь никакой мороз туда не проберется.

Эти два прекрасных мастера выполнили множество ремонтных работ в «Лондонском мосту», пока мы с Элом работали в Литл-Фолсе. Наш дом постепенно становился удобным и защищенным от непогоды.

В один из мартовских выходных Уилфред Сандерсон, маммолог, друг Эла со времен колледжа, заехал навестить нас. Он осмотрел наши поля, леса и ручьи, и заявил, что они подходят для проекта, в котором он участвует. По его словам, в штате практически не осталось бобров. Департамент охраны окружающей среды завез несколько особей из Пенсильвании и теперь пытается найти подходящие районы для их расселения. По предложению Сандерсона, Эл направил письмо официальному представителю в Олбани с просьбой выпустить пару бобров в наших местах. Я забыла обо всем этом до 1 апреля, когда перед нашим магазином остановился фургон и двое крепких мужчин вошли со словами: «У нас ваши бобры. Куда их нести?» Телеграмма, которая должна была сообщить об их прибытии, не пришла.

Эла не было, но его сестра смогла присмотреть за магазином, пока я показывала им дорогу к «Лондонскому мосту». Я ехала впереди на нашем седане «Шевроле». Земля была покрыта инеем, было дождливо, ветрено и грязно. В какой-то момент моя машина застряла в грязи, но фургон помог мне выбраться. Мы добрались до дома, и я показала мужчинам бегущий Мидлспрайт, разбухший от талой воды и выходящий из своих берегов.

— Слишком быстрый, — сказал официальный представитель. — Они не смогут ничего построить среди этих валунов.

— За холмом есть ручей поменьше, — сказала я, указывая на юг в сторону Лилтспрайта. — Хотя до него долго идти.

— Неважно.

Я успела заметить две темные сжавшиеся фигуры, сидевшие в фургоне за проволокой, прежде чем мужчины переместили их из клеток в мешки. Они взвалили мешки на плечи, и с трудом пошли вверх по холму за амбаром. Когда они вернулись, мешки были пусты.

— Это хорошее место, — сказал главный. — Медленная вода и много еды.

Это была моя первая встреча с бобрами, и, так как это меня особо не занимало, она могла бы стать и последней. Единственная вещь, которая меня впечатлила – это их размер. Они были намного больше, чем я себе представляла. Я была рада покончить с этим делом и поехать обратно по опасной дороге, спрятавшись в машине от дождя и холодного ветра.

Когда я рассказала Элу о прибытии бобров, он ответил: «Хорошо. Схожу, проверю их, как только у меня будет время». Однако, он не сходил. В нашем бизнесе произошла череда

³ Молочная станция – небольшое строение на территории фермерского хозяйства или вблизи него, куда привозились на продажу свежее молоко и молочные продукты.

кризисов, и тем летом у нас практически не было времени, которое мы могли бы провести в «Лондонском мосту».